

Вячеслав Сукачев

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

В мертвом городе

Роман

Вячеслав Сукачев
В мертвом городе

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сукачев В. В.

В мертвом городе / В. В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9670-7

Действие романа разворачивается в 90-е годы прошлого века. Главный герой романа журналист Сергей Соловьев поставлен в такие условия, когда, чтобы выжить, надо было чем-то пожертвовать. Совестью, например, или любовью. И он идет на эти жертвы, согласившись пиарить предвыборную кампанию откровенного подлеца. А в это время Город умирал. Люди умирали тоже. Земля умирала вместе с ними, и все вместе они не нужны были Богу. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9670-7

© Сукачев В. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	7
III	8
IV	9
Докатились	9
V	10
VI	11
VII	12
VIII	13
IX	16
X	17
Интерхап	17
XI	18
XII	19
XIII	20
XIV	21
XV	23
Часть вторая	24
I	24
«Наше будущее»	24
II	25
III	26
IV	27
V	28
VI	29
VII	30
VIII	31
IX	32
X	33
XI	34
XII	35
XIII	37
XIV	38
XV	39
Часть третья	41
I	41
II	42
III	43
IV	44
V	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

*«Для вас быть человеком привычка,
для меня редкость и праздник».*

А. Платонов

Город умирал. Люди умирали тоже. Земля умирала вместе с нами, и все вместе мы не нужны были Богу. Мы не были ни прокляты, ни отвергнуты Богом, мы просто перестали для Него существовать...

Часть первая

I

Поздно вечером ко мне домой зашел Толик Дик. Мы сидели на кухне и смотрели в пыльное окно. Куст акации, за лето из зеленого ставший серо-пепельным, уныло скреб по стеклу голой веткой.

Толик приподнялся, распахнул створку, и отломил отмершую часть куста...

– Вот так и мы, – бесцветно сказал он и положил ветку на кухонный стол.

– Ты есть хочешь? – спросил я

– Я не ем вторые сутки, – ответил Толик, – и не хочу... Вчера похоронили Людмилу Георгиевну... Ты помнишь, она вела у нас в школе математику? Я пошел на кладбище. Ее принесли в целлофановом мешке, вытряхнули из него, поцеловали и сбросили в яму... Потом яму закопали...

– У меня есть картошка, я могу ее отварить.

– Отвари, – равнодушно ответил Толик. – Говорят, что авиаторам скоро дадут зарплату.

– Картошку почистить или просто так?

– Просто так, – отмахнулся Толик. – Я написал материал о том, как хоронили Людмилу Георгиевну... Он может пойти на первую полосу?

– Не выдумывай, – возразил я, – никто такие материалы на первой полосе не дает. Кстати, какое сегодня число?

– Тридцатое августа тысяча девятьсот девяносто пятого года, – с пафосом ответил Толик Дик. – До третьего тысячелетия остается четыре года четыре месяца и полтора часа.

– Значит, сегодня ровно полгода, как наша газета перестала выходить, – вздохнул я. – Это надо отразить в передовой.

– Мы же договорились, что наша газета выходила и выходит по расписанию – пять раз в неделю, – голос у Толика напрягся, и я не стал спорить. В конце концов – он был прав. Каждый день мы исправно писали материалы и делали макет очередного номера нашей газеты, отбирали фотографии для клише и все это прятали в общие папки, аккуратно пронумеровав и обозначив датой. Таких папок у нас набралось порядочно: они лежали прямо на полу в моем редакторском кабинете, занимая целый угол за письменным столом. Денег на выпуск газеты нам никто не давал, поскольку мы не «отражали» проправительственные настроения, а печатать газету в долг типография отказалась. Наша родная типография была по уши загружена заказами на печатание рекламных листов всевозможных обществ и сообществ так называемых новых русских и эротических бюллетеней «Без покрывала». В типографии регулярно получали зарплату и ели ананасы.

II

– В сентябре будет шестьдесят лет нашему судостроительному заводу, – мы уже ошкуривали горячую картошку, вытирая липкие от кожуры пальцы мокрым полотенцем, – надо бы отразить...

– Я знаю, – промычал Толик. – Цех ширпотреба у них, кажется, еще работает. Кстати, они недавно оформляли интерьер банка «Канон», и рабочим выдали по сто семьдесят пять тысяч рублей зарплаты.

– Ого! Аж на восемь буханок хлеба, – завистливо вздохнул я.

– Там у них новая фирма открылась, – сказал Толик, вытирая рукавом рот, – по сбору металлолома... Говорят, какие-то японцы или корейцы.

– Да ну! – удивился я. – Где они думают его собирать?

– Как – где! – Толик удивленно посмотрел на меня. – Будут демонтировать станки и вывозить к себе под видом металлолома... Считай, судостроителям повезло: месяца два-три они еще продержатся, а вот станкостроителям – полная хана... Вчера последний цех закрыли. Зарплаты у них с февраля нет...

III

Когда Толик ушел, было уже совсем темно. Я вышел на балкон и увидел необычайно огромную, полную луну. Она висела низко над Городом и от нее во все стороны расходились широкие белые лучи, как от театральных «юпитеров». Город в этих лучах был белым и холодным, словно его по самые крыши засыпало крошками льда. Я сел на старенькую банкетку и представил Людмилу Георгиевну в яме. Длинно и ровно распростертое тело со скрещенными на груди руками и вспухшим от голода животом. Слегка проваленный внутрь рот и немного отечные полукружья под неожиданно синими глазами. Да, именно такой я и видел ее в последний раз возле мусорных ящиков на вокзале. Она стояла с коричневой хозяйственной сумкой, из которой выглядывала какая-то вязаная тряпка и горлышко пустой бутылки. Она стояла и пристально смотрела прямо на меня, а к ее ногам жался какой-то грязный и ласковый песик, испуганно просунувший хвост между задних лап. Они смотрели на меня в четыре одинаково голодных глаза, и у песика от смутной надежды потекла светло-желтая слюна.

– Вы были не самый лучший мой ученик, – мрачно сказала Людмила Георгиевна.

– Да, – подтвердил я.

– И потом, вы увлекались курением в туалете.

– Было дело, – повеселел я, краем глаза заметив, что песик потерял ко мне всякий интерес.

– Но вы окончили Университет, стали редактором очень популярной молодежной газеты...

– Которая не выходит уже пять месяцев, – вставил я.

– Пусть, – нахмурилась Людмила Георгиевна, – я не об этом... Я хочу вас спросить, как человека умного и интеллигентного...

– Пожалуйста, – скромно ответил я, разглядев в глубине коричневой сумки сломанную грязную игрушку времен развитого социализма.

– Я хочу вас спросить, почему все это стало возможным? – она широко повела рукой, как бы обнимая весь Город и с омерзением притискивая его к груди.

– Только потому, что вы этого сами хотели, – не задумываясь, ответил я.

Она вытаращила на меня изумленные глаза, потом усмехнулась и хотела уйти, но в последний момент ее озарило:

– Ах да, понимаю, – Людмила Георгиевна попыталась улыбнуться, но вместо этого ее рот провалился еще больше. – Аллегория?

– Никакой аллегии, Людмила Георгиевна, уверяю вас. Мы все этого хотели...

– Вот этого? – казалось, она окончательно проснулась и теперь брезгливо покосилась на склизкие мусорные ящики.

– И этого – тоже...

– Спасибо, – она гордо вскинула голову, оттолкнула ногой песика и сделала шаг. – Ничего другого я от вас и не ожидала.

– Людмила Георгиевна, вы хотя бы помните, как обещали нам прекрасную жизнь при коммунизме? – разозлился и я.

– При чем здесь это? – она задержала шаг.

– Всего лишь при том, что вы научили нас ждать хорошую жизнь, а не работать для нее. Целая страна сидела и ждала семьдесят лет, когда наступит коммунизм...

IV

– Впрочем, это вполне в традиции русского народа – ждать лучшей доли, а не биться за нее. Все и всегда чего-то ждут: Василиса – Прекрасная – Царевича, Иван – дурак – щуку из проруби, Илья Муромец и тот чего-то выжидал тридцать три года у себя на теплой печи...

– Это совсем иное! – нервно вскакивает заведующий отделом культуры нашей газеты, Володя Крапулин, принесший очередную информацию о закрытии очередного кинотеатра. – Илья Муромец потом доказал...

– Что не зря на печке отсиживался? – спрашиваю я. – И еще вот это вечное желание что-то кому-то доказать – при любом удобном случае.

– Ты не любишь русский народ! – Володин палец грозно останавливается на уровне моей груди. – Ты и сам не совсем русский человек...

– И еще вот это, – уныло вытягиваю я из себя и мне становится скучно, так скучно, что я беру принесенную информацию и начинаю читать.

Докатились

«Разгул демократии в нашем Городе достиг своего апогея, – медленно и вслух читаю я. – Закрыты все Дома культуры, все очаги досуга наших горожан. Печальная судьба настигла и всеми любимый кинотеатр «Мир». Еще несколько лет назад счастливые дети выстаивали длинные очереди за билетом на дневной сеанс, а сегодня два-три человека в зале – большая редкость. Нечем стало платить за свет, тепло и аренду, и служащие кинотеатра вынуждены были отдать его «новым русским» под автосалон. Там, где дети наслаждались отечественным киноискусством, сегодня стоят шикарные иномарки для новых нуворишей»...

Я бросил читать и посмотрел на Крапулина.

– Чего ты хочешь? – спросил я.

– Я хочу, чтобы все вернулось назад, – тихо сказал Володя. – Я хочу, чтобы мои дети были пионерами, потом комсомольцами...

– Потом коммунистами, – продолжил я, – партийными работниками, номенклатурой... Так уже было, Володя!

– А разве плохо? Все получали зарплату, ездили отдыхать на Черное море, копили деньги на машину...

– И всем ужасно не хватало свободы, – опять продолжил я. – Теперь свободы – хоть отбавляй, но не хватает денег. И что, все начинать сначала?

– С тобой трудно разговаривать, – Володя насупленно смотрел на меня. – И вообще, ты сильно изменился за последнее время.

– Это комплимент? – усмехнулся я.

– Нет, это...

Володя вскоре ушел, оставив после себя розовый туман надежды. Мне пришлось встать, открыть форточку и основательно проветрить комнату.

V

Ветер перемен дул с лимана, и в Городе пахло селедкой или, если хотите, малосольными огурцами. Под этот запах мужики дружно потянулись к палаткам, где денно и ночью продавалась хмельная продукция, начиная с импортного баночного пива и кончая водкой «Распутин» с двумя портретами на этикетках. Спиртное стоило дешевле хлеба и мужики отпаивались после вынужденного горбачевского воздержания. Рядом с палаткой «Русская тройка» два здоровенных амбала нещадно колотили подвыпившего мужичка, обозвавшего их мироедами. Женщины опасливо переходили на другую сторону улицы, мальчишки, бросив пинать банку из-под пива, горячо заспорили – насмерть забьют или нет.

– Он только размахивается сильно, а пинает со слабиной, – говорил один.

– Но зато сразу по голове, – возражал другой.

– А что по голове, что по голове! – горячился первый. – Она же костяная, долго продержится. Надо бы по кишкам, там сплошной полиэтилен – вмиг разорвется.

– Или по башке, но чем-то твердым, – настаивал второй.

Мальчишки подходили все ближе, злобный азарт перекошил их лица, руки непроизвольно сжимались в кулаки.

Мужик уже почти не шевелился. Выбитый глаз плавал в желеподобном сгустке крови и только пальцы еще скребли землю.

Амбалы согласно переглянулись и молча ушли в палатку.

Первый пацан поднял метровый брусок дерева, оглянулся, и с отяжкой ударил мужика в затылок. Тот дернулся, подогнул к животу колени и потом медленно, судорожными толчками, выпрямил ноги.

Готов, – тихо сказал второй, – оттрепыхался...

Они и еще наблюдали за неподвижно распростертым телом, потом вернулись к своей пивной банке, расплющенной меткими пинками.

VI

Последним принес материал в очередной номер Саша Бронфман. Вообще-то он Иссаак, но Саша говорит – какая разница? И мы все зовем его Сашей. Но наши конкуренты из газеты «Даешь демократию!» зовут Бронфмана «Какая задница!» Задница, конечно, у Саши, как у донской казачки, но дело не в этом. Просто у них не получается переманить его к себе, и они ничего не могут понять. У них оклады в твердой валюте, свободный выход на радиостанции «Свобода» и «Немецкая волна», а Саша работать у них отказывается. Из принципа, видите ли. И это тем более странно, что Саша прирожденный репортер, божьей милостью, так сказать. И вот он рыскает по всему Городу, всюду поспекает первым, берет буквально горячий материал, и тащит его в нашу газету «Маяк». А мы – прячем его материалы в очередную папку и складываем все это добро у меня в кабинете. «Братской могилой» остроумно окрестил кто-то из наших всю эту кучу невышедших газет. Так оно и есть! Самый забойный материал уже на следующий день ни хрена не стоит и это понимаю даже я, редактор, а что говорить про Сашу...

– Старичок, – Саша сидит напротив меня в вальяжной позе, – ну поставь ты этот материал на первую полосу – чего тебе стоит?

– Вы что сегодня, на ежа наступили? – удивляюсь я, наливая ему стакан чая из плодов шиповника. – Толик приносит материал о похоронах – ставь на первую полосу. Ты приносишь черт знает что – ставь на первую полосу... Да она что, резиновая?

Толстые Сашины губы становятся еще тоще, в выпуклых глазах вселенская тоска и боль всех евреев мира вместе взятых. Я не выдерживаю этого океана тоски и молча протягиваю руку. Саша с готовностью отдает мне свой материал с цветной фотографией. На снимке я вижу костер вокруг человека и бегло читаю первые строчки: «На центральной площади, напротив Городской мэрии, облил себя бензином и поджег 46-летний рабочий судостроительного завода. Охватившее его и стоящие рядом автомашины пламя было потушено, но не сразу»...

– Совсем сгорел? – буднично спрашиваю я.

– Нет... На восемьдесят процентов...

– Проследи за ним – нам надо знать причины.

– Они же шесть месяцев зарплату не получают, – удивился Бронфман. – Какие еще могут быть причины?

– На заводе две с половиной тысячи рабочих, сгорел же пока только он один.

– Слушай, Соколов, а ты кровожадная личность, – хмуро говорит Саша. – И вообще, ты не тянешь на свои тридцать два года. Ты, извини, как член политбюро...

– Может быть я и член, но только не политбюро... Материал твой ставлю на вторую полосу, – категорически отрезал я и убрал Сашин репортаж в папку № 120 от 30 августа 1995 года.

VII

Вечером я был на презентации интерклуба «Российский закат». Под крышей «Клуба культурных связей» преспокойно устроилась некая немецкая фирма, торгующая вином. На презентацию понаехали вечно голодные телевизионщики, расставили камеры и освещение, распахнули двери, и народ повалил на халявную жраньку. Всех снимали, в том числе и меня, на цветную киноплёнку. Президент Клуба, больше смахивающий на городского урку, толкнул прочувствованную речугу о взаимопроникновении двух великих культур – русской и немецкой. Потом открыли шампанское. На специальных столиках появились бутерброды с икрой и паштетом из гусиной печени. Я навалился на то и другое, запивая ранним рейнским вином. Жирные, хорошо упакованные рожи, медленно фланировали между столиками, обмениваясь последними городскими сплетнями. Среди них я узнал множество знакомых мне людей, которых я раньше встречал в высоких коридорах горкомов и обкомов партии, в милицейских кабинетах и на кремлевских приемах. Популярная, стареющая певичка тоже была здесь. Внимательно присматривая за пьяненьким молодым мужем, она между делом выторговала себе у хозяев десять тысяч спонсорской помощи. Разумеется, в долларах...

– Как поживаешь, Сергей Иванович? – неожиданно остановился передо мной бывший первый секретарь обкома комсомола, а ныне президент преуспевающего коммерческого банка, Юрий Петрович Слизун.

– Вашими молитвами, – мрачно ответил я, облизывая солоноватые от икры губы.

– Дотаций на газету так и не дают?

– Не дают.

– Значит, продолжаете работать на «Братскую могилу»?

– Значит, продолжаем...

– А ведь я мог бы тебе помочь, – вдруг, понизив голос, сказал Слизун и внимательно посмотрел на меня. – Основательно помочь...

– Чем? – равнодушно поинтересовался я.

– Деньгами, разумеется, – Слизун смотрел на меня с предупредительной снисходительностью.

– Тогда – нет, – покачал я головой, – ничего не выйдет.

– Не понял! – опешил Юрий Петрович. – Ты отказываешься от денег?

– Я не рэкетир, понимаешь, а деньги сегодня платят только им...

VIII

Представитель немецкой фирмы «Адмирал», спонсировавшей «Клуб культурных связей», некий господин Вайс, тоже толкнул речугу. Говорил он на швабском диалекте, а переводила прехорошенькая белокурая девица лет двадцати пяти. Несмотря на ужасный диалект Вайса, переводила она довольно бойко и грамотно. К ним тотчас устремились прихлебатели с фужерами и хрустальный звон поплыл над столами. Я отвернулся и начал считать пустые бутылки, со злорадством думая о молоденьких переводчицах и старых любовниках, которые ничего не могут. Мне стало легче. В самом деле, думал я, зачем зарабатывать кучу денег, на которые слетаются такие вот роскошные белокурые бабочки, если ты уже ни хрена не можешь? Ну не стоит у тебя и все тут, а она смотрит из-под длиннющих ресниц и ждет... И груди у нее высоко вздымаются под прозрачным пеньюаром, и трусики так сообразительно узки, а стройные ножки так плотно сжаты, что вокруг коленных чашечек проступают белые пятна, а ты, задыхаясь от желания, даже и понять-то не можешь, есть ли он вообще у тебя. Сдерживаешь произвольное желание проверить рукой и начинаешь что-то униженно бормотать про головную боль и финансовые неурядицы, хотя прекрасно знаешь, что главная твоя неурядица – у тебя в штанах... Ты видишь, как беспомощно опускаются ее плечи и красный, огромный, порочный рот растягивается в призывной улыбке...

Увы, слишком долго думать в таком плане тоже не безвредно – может лопнуть и разлиться по всему организму перетруженная желчь. И я бросаю это опасное занятие, переключаясь исключительно на вина. Их дурманящий аромат и терпко-кисловатый вкус вселяют в меня надежду на лучшие времена и смутное желание разглядеть на этой презентации хотя бы одно человеческое лицо. Но повсюду и везде, за каждым высоким круглым столиком и у стеллажей с бутылками, пасутся жирные, высокопарные особи с непомерно раздутыми животами. Они непрерывно что-то шлепают розовыми отечными губами, перемещаются по высокому, просторному залу, и делают вид, что наслаждаются вином. Но я-то знаю, что каждый из присутствующих примеривает эти нарядные, порочные, замысловато раздутые бутылки с элитными винами на себя. Всяк думает, что он с них может поиметь и что уже имеет хозяин, так остроумно спрятавшийся от налогов под вывеску «Клуб культурных связей»... За этими размышлениями я как-то не заметил, что публики изрядно поубавилось, столики «зачистили» от пустых бутылок, а телевизионщиков, жадно дожевывающих бутерброды, выставили за двери. Наступало главное действие презентации – заключение договоров на покупку и поставку немецких вин. В воздухе запахло миллионами баксов и вдруг стали заметны телохранители российских боссов виноторговли. Они усиленно раздувались друг перед другом, их бычьи красные шеи покраснели еще больше, а узкие кожаные куртки затрещали по швам. Лица стали каменными, квадратные челюсти усиленно замолотили жвачку, а из выпученных от страха и ненависти глаз потек расплавленный свинец...

– Извините, – неожиданно всплыло передо мной такое вот кожанно-свинцовое мурло. – Вам пора уходить...

И такая у него была пакостная ухмылочка, так он был доволен тем, что сказал, что я буквально позеленел.

– Как это – «пора уходить»? – неприятно переспросил я. – Кто это решил?

– Все ваши уже ушли, – нахмурился качок и пошире развернул плечи.

– А мне плевать на «ваших» и наших! – в глазах у меня потемнело, а пальцы произвольно сжались в кулаки. – Лично я уйду тогда, когда сочту это нужным.

– Ну не-ет, – позеленел в свою очередь и двинулся на меня качок, – ты уйдешь сейчас, немедленно!

– А вот это мы еще посмотрим, – мне вдруг стало весело и все равно, как это обычно случалось в детстве перед дракой. – И я бы тебе очень не советовал садиться голым задом на ежа – уколешься...

Качок от моей несусветной наглости на мгновение растерялся, но потом ринулся на меня всей своей кожаной тушей. Я отступил в сторону и правой слегка подправил его стремительное движение, так что он, пролетев между столиками, уперся чугунным лбом в башмаки сорок пятого размера бывшего криминалиста Эдуарда Хуцкого.

– Сработано чисто, – одобрил Хуцкий и допил вино из бокала.

В это время слева мне прилетел совершенно замечательный хук, но я устоял и ногой сбил столик на качка справа. Достав левого мордovorота головой в челюсть, я вместе с ним покатился на пол, и тут же почувствовал, как на мой затылок опустилась тяжелая железобетонная свая. Так бывает, когда сверху вниз и с оттяжкой бьют кастетом по голове. Занырнув в непроходимый подвал бессознания, я вынырнул из него с тревожной мыслью о том, как теперь встать? В таких ситуациях это самый ответственный момент, потому что ты еще «плывешь», и тебя тут же вырубает вновь грамотным пинком в живот или еще более грамотным боковым в челюсть... Слегка разлепив веки и разглядев напряженно склонившегося надо мною качка, я изо всей силы ударил его каблуком ниже колена и рывком в сторону попытался уйти от еще двоих. Но они были начеку, вновь сбили меня на пол и я почувствовал приторную тошноту – били по печени и почкам чем-то тяжелым...

– Прекратите! – как сквозь вату услышал я чей-то женский голос. – Сейчас же прекратите! – на удивление решительно командовала какая-то божья коровка. И, что удивительно, меня перестали бить. Более того, шумно дыша и тихо матерясь, качки неохотно снялись с моей спины.

– Вам больно? – услышал я сочувственный голос и, приподняв голову, разглядел сидящую передо мной на корточках переводчицу. – Вам очень больно?

– Как вам сказать, – с трудом приостанавливая головокружение, глубокомысленно ответил я. – Впечатление такое, словно бы я перепил вонючего немецкого вина...

– Почему это обязательно «вонючего»? – обиделась переводчица, помогая мне встать с пола. – Вполне приличное, нормальное вино.

Как только я встал на ноги, все у меня поплыло перед глазами, и божья коровка едва успела подставить стул под мою обмякшую задницу. Руки, как ни странно, оказались у нее достаточно твердыми и сильными. Сквозь разноцветные круги перед глазами я однако же углядел, как в нашей мизансцене появилось третье лицо – господин Вайс. В школе и университете я изучал немецкий язык, и в отличие от многих наших шалопаев отдавался этому занятию вполне серьезно. Поэтому диалог господина Вайса с переводчицей я одолел без особого труда.

– Катрин, – с упреком сказал немец, – зачем ты ввязываешься в такие дела?

– Но, папа, они же его били втроем! – возмутилась божья коровка и моя спасительница, почему-то называя господина Вайса папой.

– Ну, хорошо, хорошо, Катрин... Мне скоро понадобится твоя помощь, – как-то неожиданно благодушно ответил этот странный спонсор не менее странной переводчице...

– Папа, попроси их оставить в покое этого человека, – сказала Катрин, и господин Вайс молча удалился, а я внутренне усмехнулся наивности этой девочки: начатое дело качки любят доводить до конца.

Но когда я впервые смог глубоко вздохнуть и слегка повести глазами из стороны в сторону – к своему немалому удивлению качков не обнаружил. Лишь Хуцкий издали одобрилительно помахал мне рукой.

– Ну, как вы? – участливо спросила меня не то переводчица, не то дочка господина Вайса, и в ее зеленых глазах было столько сочувствия, что мне стало как-то тепло и уютно под неудобной крышей «Клуба культурных связей». – Очень больно?

– Пойдет... Спасибо, – буркнул я, с трудом ворочая челюстями и лихорадочно соображая, как мне достойно ретироваться с милой презентацией. Выглядеть жалким и беспомощным в глазах этой девочки мне почему-то не хотелось.

– Зачем вы с ними связались?

– Извините, но в тот момент я не разглядел вас...

– Вы грубиян, да? – заинтересованно спросила она, усаживаясь верхом на стул, а подбородок опуская на спинку. – Или же просто рисуетесь перед незнакомой женщиной?

– Примерно...

– Что – примерно? – тонкой, красивой рукой она взяла бокал с вином и мелкими, частыми глотками осушила его до дна. – Я не понимаю... Поясните, пожалуйста?

– Послушайте, зачем я вам? – раздраженно спроси я. – Вам не хватает острых ощущений? Сходите в речной порт или снимите номер в гостинице «Русь»...

– Да нет, вы просто грубиян! – утвердилась она в своем первом мнении. – Кстати, меня зовут Катрин Вайс. Я самая настоящая единственная дочь Хельмута Вайса... Вы знаете его?

– Очень приятно... Никого я не знаю, – скороговоркой ответил я, внимательно изучая окружающую обстановку. Но все было очень пристойно и выглядело вполне мирно. Толстопузые боссы за столиками перешли на крепкие напитки и не стеснялись больше в выражениях. Их верные псы сладко облизывались и тревожно озирались друг на друга. Про меня, казалось, все давным-давно и думать забыли, и это вызывало во мне неосознанную тревогу: теперь, когда вспышка ярости прошла, я очень не хотел рисковать своей драгоценной шкурой.

– Извините, а как вы попали на эту презентацию? – с чисто женским любопытством спросила Катрин Вайс.

– Очень приятно было познакомиться, – я встал и как мог быстро зашагал между столиками к выходу. Я шел и спиной ощущал удивленно-вопросительный взгляд молодой немочки, видимо, прилетевшей в Россию за острыми ощущениями. Ну что же, в этом смысле сегодняшний вечер не пропал для нее даром.

IX

Город утонул в крошечной мгле: в девять часов выключалось уличное освещение, в десять – гас свет в домах. И лишь рестораны, банки и гостиницы, да еще вот такие клубы, как «Русский закат», буквально переливались всеми цветами радуги, всплывая сказочными айсбергами среди аспидной темени и зла. Не знаю, как там было во вражеском тылу или в киевском подполье, но и здесь сейчас было ничуть не легче... Сторожкой, зыбкой тенью прокрадывался я от дома к дому, бесконечно озираясь и ожидая беспощадную погоню. В одном месте мне пришлось переждать, пока трое подростков грабили припаркованные у дома машины. Слава Богу, это были не новички и долго ждать мне не пришлось. В другом, почти напротив министерства внутренних дел, кого-то выбрасывали с балкона девятого этажа. Человек долго кричал и звал на помощь, цепляясь за перила балкона, а его все переваливали и переваливали через эти перила и никак не могли перевалить. Наверное, все были слишком пьяны. Наконец, несчастная жертва повисла уже по эту сторону балкона и заверещала еще сильнее. Кажется, и на том свете можно было услышать этот истошный, тоскливый вой, но ни одна форточка, ни одно окно в доме не открылось – людей приучили к осторожности. И вот, отделившись от балкона и завыв теперь даже не горлом, а самой утробой, несчастный камнем ринулся к земле, которая и приняла его в свои твердые, смертельные объятия. Мне показалось, что летел он очень долго – я успел даже на ручные часы взглянуть. И вот глухой, сырой какой-то, шлепок о землю, и гробовая тишина. Потом на балконе засветились два мирных огонька сигарет и люди устало о чем-то заговорили. Я перевел дыхание и заскользил дальше, мгновенно скрываясь в первом попавшемся подъезде при виде любого человеческого силуэта. Впрочем, силуэты тоже куда-то бесследно исчезали, стоило мне на мгновение зазеваться: вполне возможно, что в ближайšie подъезды...

Х

Утром у меня в кабинете зазвонил телефон, единственный на всю редакцию, который пока еще не отрезали за неуплату. Я поднял трубку и услышал какую-то глухую, многозначную тишину. В Средней Азии, в маленьких городках, от полудня до четырех часов дня случалось мне сталкиваться с такой вот смертельной тишиной на коротких и узких улочках между глиняными дувалами...

– Соколов у телефона, – почему-то тихо сказал я.

Тишина стала звонкой, непереносимо-осязаемой и я поспешно опустил трубку.

Надо было писать отчет с презентации, и я намеренно крупными буквами вывел на чистом листе бумаги заголовок:

Интерхап

«Дом этот в нашем Городе знают многие, – начал я разматывать конвейер из букв. – Знаменит он тем, что здесь жил и работал выдающийся русский поэт, редактор журнала «Новый мир», Александр Трифонович Твардовский. Кто только не побывал у него за прожитые здесь годы: советские и партийные руководители, военачальники, знаменитые на весь мир актеры и писатели. Позже в этом доме, принадлежащем издательству «Известия», разместились многочисленные редакции журнала «Советская литература». А вот ныне здесь свило уютное гнездышко малое предприятие «Лента», процветающее за счет сдачи помещений в субаренду. Удачно надув своих сотрудников, главный редактор буквально «озеленился», поскольку с глазу на глаз берет за аренду помещений только в долларовых купюрах и только налом. Вот и «Клуб культурных связей» между Россией и Германией, чья неброская вывеска появилась рядом с мемориальной доской Твардовского, лишь ширма для прикрытия темных делишек, которые проворачивает ловкий редактор, пользуясь определенными налоговыми льготами, которые положены предприятиям культуры»... Я подчеркнул слово «который», употребленное дважды в опасной близости друг от друга и покосился на телефон. Никто и никогда мне не объяснит, почему и зачем я ждал телефонного звонка от нее? С какой стати она могла бы позвонить после вчерашней моей дикой выходки, я не знал, но, тем не менее, звонка ее ждал...

XI

Ближе к обеду я позвонил сам.

– Простите, это фирма «Российский закат»? – вежливо осведомился я.

– Нет, – сочным баритоном ответили мне. – Это – «Клуб культурных связей».

– Я понял... У вас есть вино разлива 1956 года?

– Сейчас нет, – оживился баритон, – но если вы собираетесь брать партию – мы можем заказать.

– Хельмут Вайс хозяин вашей фирмы?

– Да... То есть – нет! – поспешно исправился на другом конце провода. – Он только спонсор, заинтересованный в культурных связях между...

– И у него есть дочь, которая хорошо знает русский язык? – бесцеремонно перебил я.

– Да... То есть...

– Это она вчера вечером выступала в качестве переводчицы?

– Да... Но...

– Спасибо. Я подумаю насчет партии вина.

ХII

Через пять минут раздался требовательный звонок. Я взял трубку.

– Вы хотели заказать у нас партию вина? – жестко спросил меня довольно грубый голос.

– Я только хотел узнать ваши возможности, – уклончиво ответил я, в душе проклиная современную телефонную технику.

– Они большие, – многозначительно успокоили меня. – Оч-чень большие... Мы вас вносим в свою картотеку потенциальных заказчиков. До свидания...

– До свидания, – машинально ответил я.

ХІІІ

После обеда принесли почтовую карточку, в которой в очень вежливой форме Юрий Петрович Слизунов уведомлял о том, что будет рад видеть меня у себя в банковском офисе с 17 до 18,30 сего дня. Я повертел карточку в руках. Хорошая, плотная, скорее всего – финская бумага, красивое золотое тиснение. В правом верхнем углу что-то вроде герба, а под ним броско и лаконично – «К А Н О Н».

Зачем-то я ему понадобился – зачем? Я попытался взглянуть на свою ничтожную личность глазами Слизуна и ничего, кроме мокрого места, не разглядел. Но от этого мне не стало легче. К таким людям, как Слизунов, если не идешь сам – тебя приводят под белы ручки или приносят на пинках...

С парящим электрочайником вошел Толик Дик и выжидательно уставился на меня. Я молча выложил перед ним пачку черного чая.

- Что новенького? – без интереса спросил я.
- Все хреновенько, – односложно ответил Толик.
- Ты сегодня ел?
- Нет и не хочу...

Все наши сотрудники хоть как-то да приспособились: машинистки печатали для типографии рекламные проспекты, корректор Люба вычитывала детективы, Саша Бронфман подрабатывал на радио, Володя Крапулин был женат на заведующей овощной секцией большого супермаркета, и только Дик остался полностью без доходов.

– На, – я выкладываю перед ним два подзасохших бутерброда, аккуратно завернутых в салфетку. – Это тебе привет из клуба «Российский закат».

Толик без особого интереса жует бутерброды и при этом еще ворчит:

- Докатился... Редактор молодежной газеты, член бюро обкома комсомола, как мальчишка, таскаешь с чужих столов бутерброды.
- Послушай, – говорю я ему серьезно, – брось жить вчерашним днем – долго не протянешь. Людей в целлофановых мешках хоронят, а ты несешь какую-то херню про бюро обкома комсомола.

– В таком случае, зачем все эти наши газеты? Кому они нужны и мы вместе с ними? – Толик, не мигая, смотрит на меня.

– Нам! – бью я кулаком по столу. – Они нужны нам, чтобы не свихнуться посреди этого гребаного демократического рая.

XIV

Без пяти минут пять я вхожу в шикарный вестибюль банка «Канон». Пожалуй, я несколько... простовато, что ли, одет для такого respectable заведения: синие джинсы, кроссовки и изрядно потрепанный свитер, вытянутый на локтях. Но меня уже встречает двухметровый бык, под шеей у которого нелепо прилепилась черная бабочка. Коротко стриженный неандерталец небрежным кивком головы приглашает меня следовать за ним, и несколько минут я вижу только его квадратную спину.

– А вот и Сергей Иванович! – кричит мне из-за огромного дубового стола Слизуна. – Проходи и садись. Я тебя надолго не задержу.

Я прохожу и сажусь. Откуда-то из-за спины Слизуна появляется строго одетая симпатичная женщина и ставит передо мной чашечку кофе, печенье с конфетами и сливки.

– Ну, Сергей Иванович, как живешь? – спрашивает он меня, и я впервые замечаю в его рыхловатом, по-бабьи округлом лице, какие-то жесткие черточки. Нет, сейчас он меньше всего походил на первого секретаря обкома комсомола – я это должен был признать. Более всего он теперь походил на президента крупного банка, давно привыкшего ворочать миллионами...

– Итак, Сергей Иванович, предложение у меня к тебе простое, но деликатное, – сразу перешел к делу Слизуна. – Я все знаю про твои проблемы. За неуплату телефоны у тебя уже отрезаны, не сегодня-завтра отберут и помещение – аренду за него ты тоже не платишь. В общем, неважны твои дела... Но газету, говорят, ты все равно делаешь?

– Правильно говорят.

– Знаешь, я никогда не держал тебя за дурака, и раз ты это делаешь – значит так и надо! – Слизуна смотрел на меня неожиданно умными, пронзительными глазами. – Я помогу тебе выпутаться из долгов и впредь буду оплачивать все твои эксплуатационные расходы... – Слизуна выдержал паузу. – А начиная с декабря, если все сложится так, как нами задумано, ты будешь получать деньги и на газету...

– Что должно случиться в декабре? – начал я с конца.

– Губернаторские выборы...

Вообще-то я мог бы и сам об этом догадаться.

– Что требуется от меня? – я и в самом деле не представлял свою роль во всей этой затее с губернаторскими выборами.

Юрий Петрович Слизуна усмехнулся и посмотрел в высокое, готическое окно, забранное бронированными жалюзи.

– Для этих выборов я имею все: деньги, связи, поддержку в верхах, наконец, силу, – многозначительно и твердо сказал он, глядя на меня крупными, блестящими глазами. – Но есть у меня одна проблема, которую вполне могут раскрутить конкуренты, – мое прошлое... Первый секретарь обкома комсомола – это свинцовая гиря, которая может меня утопить. Так вот, я предлагаю тебе избавить меня от этого груза... Понимаешь?

Нет, я его не понимал: я был слишком ничтожен для того дела, которое он затевал. Даже убить его конкурентов я не мог, у меня не хватило бы на это силы духа.

– Услуги киллеров здесь ни при чем, – словно бы прочитал мои мысли Слизуна. – На место убитых придут новые, еще более опасные соперники... Нет, Сергей Иванович, мы пойдем иным путем, – он усмехнулся и легонько постучал карандашом по дубовой столешнице. – Мне необходимо сменить общественно-политический имидж. Я должен предстать перед избирателями в образе бывшего первого секретаря, но безусловно демократической ориентации. Я беспощадно боролся с партократией, я рисковал своим постом, мне угрожали вплоть до физической расправы или психушки, шантажировали мою семью... Среди коммунистической номенклатуры я всегда был белой вороной... Нужна серия умных, проникновенных статей

на радио и телевиденье, в центральных и областных газетах. Документы, стенографические отчеты с пленумов и партактивов, где я расходился с линией партии, тебе представят. Во всех печатных органах для твоих материалов будет зеленая улица, первый канал телевидения ждет твоего слова – ты только пиши. Причем, далеко необязательно именно тебе подписываться под каждым таким материалом – авторов мы найдем...

Я колебался. Я думал. Я – соображал. Я давно уже все понял, но не мог не учитывать и некоторые деликатные особенности этого поручения... Однако следующая фраза Слизуна окончательно и бесповоротно решила все в его пользу:

– Кстати, я совершенно случайно узнал, что твоим редакционным помещением очень заинтересовался господин Мустафин.

XV

Мустафин – король недвижимости, а заодно – плаща и кинжала в нашем Городе. Я слишком хорошо знал о методах его работы, чтобы колебаться и дальше. Мустафин, как правило, покупал не саму недвижимость, а долги владельцев этой недвижимости. Он мог, например, купить мой долг за телефонные переговоры, поставить его «на счетчик» и через пару месяцев выставить мне астрономическую сумму. Не имея таких денег, я должен был бы рассчитаться с ним недвижимостью. Строптивые люди, не признававшие «счетчик» Мустафина, как правило, куда-то исчезали или попадали под колеса автомашин. Еще чаще они оказывались в лапах правосудия, что считалось наихудшим вариантом: в камере предварительного заключения за таких несчастных брались уголовники... И Мустафин, я думаю, был уже миллиардер. И если он положил глаз на наш редакционный офис, весьма симпатичный двухэтажный особняк из шести комнат наверху и типографии на первом этаже, то надо было действовать незамедлительно. В данном случае действовать я мог только в одном-единственном направлении: спрятаться под «крышу» другого миллиардера – Юрия Петровича Слизуна. Что я немедленно и сделал. А в том, что Слизун не блефует и Мустафин – вполне реальная угроза, я ничуть не сомневался.

– Вот и хорошо, – буднично отреагировал на мое согласие Юрий Петрович. – Завтра на твой редакционный счет поступят первые тридцать миллионов рублей... Срочно гаси свои долги, купи Толику Дику новый костюм, да и сам приоденься... Связь со мной, – он сделал буквально секундную паузу, но и за это время у него за спиной успела появиться та шикарная молодая женщина, что приносила мне кофе, – будешь держать через нее. Кстати, ты ее должен помнить по комсомолу?

Часть вторая

I

«Наше будущее»

«Коммунисты Центральной области ввиду грядущих выборов губернатора занялись статистикой и попытались оценить «итоги ельцинской пятилетки», то есть – результаты развития области с 1990-го по 1995-й годы. Результаты их статистических выкладок таковы: более 40 процентов населения оказались за чертой бедности. В области снизилась рождаемость и возрасла смертность: в 1994 году родилось 10 тысяч человек, умерло 16 тысяч. Оптовые цены на промышленные товары выросли в 1000 раз, а на продукцию сельского хозяйства – в 400 раз. Сдача жилья в области за пять лет уменьшилась в 2,5 раза, а строительство объектов социальной сферы прекращено вообще. Выросла армия безработных. В 1991 году лишились работы 175 человек, а в 1994 безработными стали уже 310 тысяч человек. При чем пособие по безработице выдано последний раз в марте – полгода назад. Таковы данные статистики от народно-патриотических сил»...

– Ну и как, Старичок, впечатляет? – Саша Бронфман возбужденно смотрит на меня. – Есть и еще факты, но они пока проверяются. Понимаешь, Старичок, в области за пять лет умерло больше людей, чем погибло за это же время в Великой Отечественной войне... Ты понимаешь?

– Я понимаю... Кстати, Саша, можешь получить у нас в кассе зарплату за март. Правда, в расценках того времени...

– Ого! – Саша неподдельно удивлен. – Откуда у нас деньги?

– От верблюда...

– Надеюсь, этот верблюд не красного цвета?

– Нет, это серо-буро-малиновый Каронар Чингиза Айтматова, который стоит в посольском гараже в Брюсселе и испражняется, между прочим, золотым гавном.

– Сережа, это грубо, – покачал большой, лысеющей головой Бронфман. – Но я верю тебе и пошел получать зарплату. – Он дошел до дверей и оглянулся. – А, может быть, мы скоро и выходить начнем?

– Не исключено, – строго-официально ответил я.

– Ты меня предупреди заранее, и я постараюсь приготовить достойной величины свечку в жирную задницу этого моржового хера...

II

«Моржовым хером» Саша обзывал мэра нашего Города, приложившего немало сил и старания для того, чтобы похоронить наш «Маяк», который до 1991 года был «Комсомольским маяком» и попортил немало крови директору городского общепита Петру Петровичу Лужину, на волне перестройки просочившемуся в мэры. В принципе, он был не самый худший мэр, он, может быть, потянул бы на звание самого лучшего мэра, но Петр Петрович не выносил критики в свой адрес. Хорошей, послушной газете «Даешь демократию!» перепали шикарные квартиры в центре Города, они платили смехотворно низкую аренду за трехэтажный особняк, что стоял почти напротив мэрии, они сопровождали Лужина в загранкомандировках, они... В общем, они сидели в просторном кармане Лужина и ели ананасы, а мы, как и обещал Петр Петрович, последний хрен без соли доедали. Вот этому-то человеку и обещал наш редакционный интеллигент Саша Бронфман хорошую свечку в жирную задницу. А редактором «Даешь демократию!» был мой бывший заместитель, хороший парень с чутким носом, Валерий Сакурин.

III

У меня появились небольшие личные деньги, и я не выдержал искушения заглянуть в свое любимое кафе «Три аиста». Когда-то мы, еще студенты, целыми днями просиживали здесь за слабенькими коктейлями и бетербродами с «Останкинской» колбасой. Разумеется, от того кафе ничего не осталось, только три бетонных аиста у входа, да старый швейцар дядя Костя. Теперь это был вполне респектабельный бар с игровыми автоматами, цветомузыкой и одинокими девочками в слишком коротеньких юбочках за пустыми пластмассовыми столиками.

– Давненько я тебя здесь не видывал, – встретил меня дядя Костя одобрительным взглядом выцветших глаз. – Однако, раз зашел, значит – выцарапался?

– Выцарапался, – усмехнулся я и пожал все еще крепкую руку дяди Кости, успевшего в этот момент предупредить меня, чтобы я с автоматами и девочками не связывался. – Дядя Костя, – обиделся я, – за кого ты меня держишь?

– Не надо! – теперь усмехнулся дядя Костя. – Наташку ты у нас подцепил...

– Так ведь то – Наташа, – вздохнул я, – честная городская давалка, в которую я по-молодости умудрился влюбиться. А у вас-то теперь это дело на индустриальную основу поставлено...

– Я тебя предупредил, – дядя Костя неожиданно живо побежал встречать богатенького клиента.

Заказав сто пятьдесят граммов коньяка «Метакса» и бутерброд с сыром, я занял столик у окна и достал из кармана «Комсомолку». Хитрая, между прочим, газета. Всех и вся обвиняет, критикует любые эшелоны власти, но – в меру! Вот это звериное чутье – до какой черты можно – и отличает «Комсомолку» от всех других газет мира. Они, в отличии от нас, никогда не нарываюются, а потому и живут при всех властях с распределителями и дополнительными льготами... Ну и дай, Бог, им здоровья, как говорится.

Через столик от меня сидит симпатичная шатенка, курит длинную сигаретку, чистит пилкой коготки и искоса посматривает на меня. Видимо, моя экипировка не внушает ей доверия, но и других вариантов пока не просматривается.

Я выпил, закусил бутербродом и тоже достал сигарету. Внимательно прочитал материалы о жгучих проблемах армии, о выборах в Чечне и бомжах на городских вокзалах... А потом насмешливый голос рядом со мной сказал:

– Гора с горою не сходятся, так, кажется, говорят у вас в России?

Я поднял голову, отложил газету в сторону и пригласил:

Садитесь, пожалуйста...

IV

– Ну, на этот раз вы куда приветливее, – она села напротив, закинула ногу на ногу и вприщур стала разглядывать меня. Что она могла увидеть? Метр восемьдесят один роста, согнутый почти пополам на белом пластмассовом стуле, подозрительно-настороженные голубые глаза, короткие русые волосы, зачесанные вправо, средних размеров прямой нос и полноватые губы – верный признак слабого характера. И все бы ничего, если бы не вечная готовность не дать себя в обиду, слишком явно выраженная на моем ассиметричном лице. Но тут ничего не попишешь – характер, натура, гены, черт бы их побрал! А иначе сидеть бы мне сейчас в своем роскошном офисе, подсчитывать проценты в Швейцарском банке, и потихоньку душить конкурентов не своими руками... Ну, а что видел я? Есть такие женские лица, встретив которые, ты сразу начинаешь жалеть, что не красив, как Ален Делон, не силен, как Шварценегер и не родовит, как принц Чарлз. Женщины с такими лицами в одно мгновение становятся для тебя роднее сестры и ближе матери, а, между тем, они не обязательно так броско красивы, как Софи Лорен. Скорее – наоборот... Ну что вот особенного в этой белокурой фее, черт знает зачем с берегов благополучного Рейна залетевшей на непредсказуемые берега русских рек? Кругленькое личико, зеленые глазки, припухшие губки, привздернутый носик, к тому же слегка наперченный веснушками – вот невидаль! А, между тем, я с трудом отвожу взгляд, боясь утонуть, раствориться в этом море обаяния и привлекательности...

– Я, между прочим, зашла сюда совершенно случайно, – зачем-то сообщает она мне веселым голосом.

– Где вы так хорошо научились говорить по русски?

– Это комплимент? – она смотрит на меня, как смотрят вторую серию некогда трофейного фильма «Тарзан».

– Да нет, – отчего-то смущаюсь я. – Вы и в самом деле очень чисто говорите по русски. Ну, может быть, слишком чисто...

– Я пять лет училась в Московском Университете на журфаке... Кстати, я выписывала две русские газеты – «Литературку» и ваш «Комсомольский маяк».

Я внимательно смотрю на нее – не издевается ли? Нет, не похоже, хотя совпадения прямо-таки дикие...

– И еще в те годы я читала ваши стихи. Ну, например, вот это, – она наморщила свой приперченный носик. – Рисую женщину не словом, рисую женщину душой. Стою в раздумье над подковой, как над потерянной судьбой...

Она смотрит на меня, на мою медленно отваливающуюся челюсть и вдруг громко, заразительно хохочет.

V

– Ровно через час я уезжаю в Нижний Новгород, – говорит Катрин и мелкими глотками отпивает метаксу. – Вы меня проводите на вокзал?

– Разумеется, – я все еще никак не могу определить свое отношение к ней. То, что она мне нравится – не подлежит сомнению, а дальше? Кем я хочу видеть эту молоденькую женщину, зачем-то вызубрившую мои ранние стихи? Другом? Почитательницей моих талантов? Приятной знакомой из Германии? Или – любовницей? Нет, только не последнее! Весь мой разум, инстинкт мужчины почему-то бурно не согласен с последним предположением. Почему? Ответ мог быть только один – она мне нравится больше, чем я того хочу... Это уже опасно, и я срочно принимаю меры...

– Вы всегда такой серьезный? – заметила она мою перемену.

– Нет...

– Почему вы серьезны сейчас?

– Не знаю.

– Потому, что я вам нравлюсь?

Это уже было чересчур. Это уже с ножом и прямо к моему бедному сердцу.

– Вы явно переоцениваете свои женские чары. Они у вас, извините, посредственные, – медленно и спокойно говорю я. – Вы не в Германии, а я не ваш фройнд... Извините, мне пора.

Я встаю и сам чувствую, что похож на исландский айсберг.

– А проводить? – растерянно смотрит она на меня. – Я плохо ориентируюсь в вашем Городе...

VI

Наш город в начале сентября похож на усталого путника, прикорнувшего под чинарой перед длинным переходом по пустыне Гоби. Он пропылен, завален нищими и мусором. Торговые палатки на каждом шагу, а возле них что-то жующие, сосущие, пьющие и ссущие хари. Машины вгрызаются в улицы, как бешеные псы. Они повсюду: на дорогах и тротуарах, в скверах и на набережных, они гоняются за прохожими, как русские гончие Николая Ростова за зайцами. Они воняют, визжат и поливают всех без разбора из осенних луж. Наш Город, как тяжело больной человек, прикованный к постели: он задыхается, ему не хватает крови свежего воздуха, он покрыт трофическими язвами ям и колдобин, которые наш знаменитый мэр не замечает. Наш Город, как счастье и проклятье, подаренное нам, его жителям, самой судьбой, от которой, как известно, не уйти. И, наконец, наш Город, это наша боль, вместе с которой мы идем по задолбанной жизни перемен и преобразований, вынужденные тащить на своем горбу идиотские амбиции идиотов от политики, бесконечно уверяющих нас, что мы на верном пути... И разве может иностранец, тем более – иностранка, к тому же – хорошенькая иностранка, ориентироваться в таком Городе! Нет, конечно. Именно поэтому и пошел я провожать Катрин Вайс...

VII

Я иду рядом с нею и чувствую гордость от того, что иду рядом с нею. Мне легко и радостно – я счастлив. Прохожие с удовольствием смотрят на нас, но больше – на нее. Кто вы, Катрин Вайс? Счастье мое или проклятие? Зачем я вам, российский аболтус, журналист мертвой газеты, редактор «Братской могилы»? Захотелось экзотики, приключений, маленькой интрижки с русским... Нет-нет, конечно же, не медведем, какой я медведь! Скорее – сибирская лайка, с бодро закрученным хвостом и отмороженными лапами, которыми я давно уже не чувствую связи с родной землей. Меня оторвали от нее, высушили и вы... господа демократы, в очередной рас поманив свободой и равенством. Ох, уж эта российская свобода и удаль, извечно мнящие нас со времен Емельки Пугачева и Стеньки Разина. И ведь каждый раз захлебываемся мы в собственной крови, летят наши срубленные головы с выпученными глазами по булыжникам Лобного места, по Красной площади, по бетонным плитам Лубянки, гниют наши косточки на Соловках и Колыме, перемывают их воды Оби и Енисея, ан нет – не в коня корм. Опять нам не терпится, не йдется, опять мы рвемся все переустроить и поменять, и опять рушим и крушим все старое до основания, а затем... Понятно, что будет затем: начнем искать тех, кто виноват... Да посадим на свою шею очередного говоруна – дармаеда в надежде на то, что уж он-то, батюшка родимай, все устроит, всех рассудит и сладкими пирогами накормит. Ужели нет конца нашей глупости, ужели так и будем мы вверять свою судьбу случайным поводырям, только и могущим, что печься о своем благе, слушая медовые речи продажной челяди? Боже, спаси и помилуй нас...

Я иду рядом с нею. А она? С кем идет она? Может быть, только с самой собою или же с мюнхенским фроиндом, распивающим в маленьком кнайпе темное пиво из высокого стакана по поводу очередной победы футбольного клуба «Бавария»?

– О чем вы так упорно и сосредоточенно думаете? – насмешливо спрашивает она, на ходу размахивая маленькой кожаной сумочкой.

– Я думаю о первом ледниковом периоде и тех формах жизни, которые существовали при нем, – отвечаю я ей и неожиданно чувствую, что она все про меня знает. Ну – буквально все и даже больше... Я беспомощно озираюсь и вижу привокзальные мусорные ящики, возле которых в последний раз встретил Людмилу Георгиевну. Маленький грязный песик, со спрятанным под животом хвостом, смотрит на меня с такой невыразимой тоской в круглых, не мигающих глазах, что я невольно замираю на месте, а потом неизвестно по какому наитию говорю:

– Шарик, иди ко мне!

И это грязное, заброшенное собачьим счастьем чудовище, перебирает лапами и семенит ко мне, а потом покорно опускает голову и ждет решения своей незадавшейся судьбы. Боковым зрением я вижу, что Катрин Вайс с любопытством смотрит на меня, на песика, уткнувшегося лохматой головой в мои колени, и мне становится невыносимо больно и за этого осиротевшего пса, и за себя, и за нашу общую собачью жизнь...

– Вы с ним знакомы? – спрашивает Катрин.

– Да, – хрипло отвечаю я.

– Вы знаете всех городских собак? – серьезно спрашивает она.

Я наклоняюсь, подхватываю Шарика на руки, и он доверчиво жметя к моей груди, и его маленькое собачье сердце своими ударами сотрясает меня.

– Что с вами? – удивленно спрашивает Катрин Вайс. – Что случилось, Сергей?

VIII

Ветка акации так и валяется у меня на столе. Она – часть пейзажа, часть моей жизни, интерьер, если хотите, моего мироустройства. Начинаящим, самовлюбленным журналистом смотрел я сквозь нее на деловито-озабоченных прохожих, высматривая красивых девушек и тяжело вздыхая, – высмотрев. Счастливым влюбленным наблюдал я за улицей, поджидая Наташу и с тяжелой головной болью – после дружеских вечеринок, и ветка акации преданно опаживала меня своими запахами. Мимо нас с нею несколько лет подряд проходили люди на праздничные демонстрации и торжественные митинги, однажды прогромыхали гусеницы тяжелых танков, однажды – залетел камень в окно... Мы жили и страдали вместе, стряхивая с себя мусор перестройки и впитывая лживые лозунги демократов. Малые и большие правители, одинаково ненасытные и кровожадные, черными годовыми кольцами откладывались в наших душах и пригибали нас к земле... Нас предавали весной, когда мы только распускались всеми фибрами души и нас предавали осенью, когда мы стремились к покою и осмыслению всего случившегося. И они добились своего – под ласковым небом родины, среди привычного городского шума, у стен своего дома мы стали чужими... И первой не выдержала ветка. Уже в июле она потеряла все свои листья, а к началу августа пожелтели и загнулись, словно когти у старой птицы, ее мелкие веточки, а зеленая кожа стала темно-коричневой. И вот 30 августа 1995 года Толик Дик отломил ее от ствола и бросил на кухонный стол... «Интересно, – подумалось мне, – на чей кухонный стол упаду я, с отбитыми внутренностями и пожелтевшей кожей, с погасшим разумом и вымороченной душой...»

Звонит телефон, это бесцеремонное чудовище, вторгающееся в нашу жизнь в любое время дня и ночи. Сколько выдающихся открытий и гениальных строк так и не узнали люди только потому, что раздавался телефонный звонок, перечеркивая все, чему вы посвятили свое одиночество.

– Старичок! – глухо, как из-под земли, кричит трубка Сашиним голосом. – Старичок, ты слышишь меня?

– Ты где, в ракетном бункере? – усмехаюсь я. – Тебя очень плохо слышно.

– Старичок, ты почти угадал! Что значит – настоящее журналистское чутье! Куда там до него Сакуру и всей его компании. Они, кроме долларов, ничего больше не чувят...

– Ты мне звонишь среди ночи, чтобы сообщить о своем особом отношении к журналистам газеты «Даешь демократию!»?

– Да нет, Старичок, тут другое, – Сашин голос становится сосредоточенным. – Тут такое творится, что тебе надо приехать.

– Вообще-то ты где? – я понимаю, что дело серьезное, очень серьезное и внутренне собираюсь в пружину, готовую к самым разнообразным ситуациям.

– Я, Старичок, у голодающих шахтеров в Углегорске... Приезжай завтра десятичасовой электричкой – я тебя встречу.

IX

Шахтеры бастовали второй месяц, а зарплату последний раз получали в феврале, полгода назад. Двенадцать человек объявили сухую голодовку и медленно умирали в санчасти. К ним-то и потащил меня Саша Бронфман в первую очередь.

– Понимаешь, Старичок, – забегая вперед и заглядывая в глаза, почти кричал Саша, – к ним уже и министр отрасли, и заместитель премьера, и помощник президента приезжали... И все как один обещали помочь, все клялись и божились, что они заработанное получат сполна. И они получили: здоровые, нормальные мужики превратились в щуплых подростков весом 40-45 килограмм, их жены – больные, истеричные женщины, вымирающие от рака, их дети – дистрофики с раздутыми животами. В городе давно уже нет собак и кошек – их съели. Старичок, такого не было ни при одном царе, ни при татаро-монгольском иге. Это – концлагерь, только вместо колючей проволоки и вышек с часовыми повсюду демократические лозунги и призывы потерпеть еще...

– Демократический лагерь, Саша, это интересно, – говорю я на ходу. Фашистские, социалистические и капиталистические лагеря мы уже прошли, очередь дошла – до демократических...

– Гайдар шагает впереди, – как-то кисло усмехнулся Саша и, отворив неприметную крашеную дверь в санчасть, пропустил меня вперед.

На двенадцати железных кроватях лежали двенадцать... Хотел сказать полутрупов, но вовремя спохватился: трупы выглядят куда как живее и жизнерадостнее, если можно так выразиться, чем выглядели эти люди. Простыни, которыми были укрыты они, почти не бугрились, подчеркивая контуры тела – они лежали ровно, плоско, как лежит скатерть на обеденном столе. Дух смерти, торжественный и неумолимый, густой и липкий, словно туман над болотом, стоял над изголовьем голодающих. И только глаза, неестественно огромные и темные глаза в глубоких расщелинах глазниц, продолжали еще жить, но в их матовом глянце уже отражался торжествующе-скорбный лик смерти.

– Вот это твой однофамилец, – прошептал Саша, указывая на ничем не отличную от других тень человека. – Николай Соколов. Ему двадцать восемь лет, женат, есть трое детей... Бывший забойщик и неплохой нападающий местной футбольной команды. Когда еще мог, он написал президенту записку. Поставил условие – передать после смерти.

– Ты ее читал?

– Да...

– Что он пишет?

– Только два слова... Адрес и два слова: Россия. Кремль. Президенту. И сама записка: «Ты – сволочь!»

Мы возвращаемся на вокзал пешком. Изредка нам попадаются встречные, и я невольно отвожу взгляд от их вопрошающих, голодных глаз. Особенно тяжело смотреть на некогда рослых и сильных мужчин, привыкших работать и есть за двоих. Части их тела казались непропорционально большими по сравнению с нормальными людьми. Огромные, изможденные головы на невероятно тонких шеях, узкие, как у ребенка, маленькие плечи и длинные ноги... Одежда висела на их изъеденных голодом фигурах, как на деревянном каркасе. Неестественные эти конструкции, словно случайно залетевшие на землю марсиане, передвигались с явным трудом, слегка раскачиваясь и припадая, готовые в любой момент свалиться в обмороке.

– Что это, Саша? – в ужасе спросил я.

– Мертвый город, – прошептал Бронфман, часто щелкая затвором фотоаппарата «Кодак».

Х

Дома в почтовом ящике меня ждала записка, вложенная в фирменный конверт банка «Канон».

«Где вы пропали? Буду у вас с материалами в 19.30. Лариса».

От конверта и записки пахло достатком и благополучием.

Я включил телевизор, и тотчас моложаво выглядевший, часто помигивающий пестрыми ресничками человек, начал задушевно втолковывать, что мы уже находимся «на пороге позитивных преобразований». Я переключил на городской канал, и мне тут же сообщили, что наше правительство хочет делать как можно лучше, а получается, увы, как всегда. От всего этого благолепия и радостно-рахитичных надежд я попытался улизнуть на третий канал, но там меня серией молниеносных ударов по корпусу и в челюсть настиг великолепный Ван Дам. И в этот момент из-под кухонного стола выползло грязное чудовище на четырех лапах, подняло лохматую голову и уставилось на меня преданными, ореховыми глазами.

– Шарик! – радостно завопил я. – Мы немедленно идем с тобой купаться...

И потащил безвольно обмякшего у меня на руках песика в ванную комнату.

XI

Мы сидим с великолепной Ларисой за маленьким журнальным столиком, и я бегло просматриваю стенографические отчеты с областного пленума, где выступил с докладом первый секретарь обкома комсомола Юрий Петрович Слизун. Это похоже на фокус, на хорошо отрепетированные репризы Игоря Кио, и поэтому я даже заглядываю на оборотную сторону машинописных страниц, но, естественно, ничего там не нахожу. 1991-й год, идет пленум обкома комсомола. Читает доклад Слизун, а в докладе, между прочем, такие вот слова: «Нам надоели бесконечные разглагольствования о перестройке, нам надоели окрики из Кремля, мы хотели бы свою судьбу решать сами (бурные, продолжительные аплодисменты)! Мы за перестройку, мы за новую жизнь, но мы не позволим никому делать из нас послушных и угодных высшей партноменклатуре марионеток (продолжительные аплодисменты)!»

Я смотрю на Ларису, вновь на страницы отчета и опять на Ларису, спокойно покуривающую сигарету.

– Да-да, – отвечает она на мой немой вопрос. – все именно так и было...

– Но я же присутствовал на этом пленуме, я сам писал с него отчет, у меня даже магнитофонные записи где-то валяются, – говорю я. – Такого просто быть не могло!

– Но – такое ведь было!? – с нажимом говорит Лариса и смотрит на меня спокойно-умным взглядом Слизуна.

– Да, возможно, – прихожу я в себя и включаюсь в правила игры. – Четыре года прошло – шутка ли...

– У тебя выпить найдется? – спрашивает Лариса, длинным, аккуратным мизинцем стряхивая пепел в чайное блюдечко.

– Не знаю, вроде где-то водка была...

Лариса молча открывает свою сумку и безо всякой торжественности достает бутылку коньяка «Наполеон».

– Я ведь работала тогда в орготделе, – говорит она. – Очень хорошо помню тебя, твою шевелюру. А теперь ты... Знаешь, в твоем возрасте рановато лысеть, просто надо уметь пользоваться соответствующими бальзамами... Принеси рюмки.

XII

Ночью Лариса деловито говорит мне:

– А ты еще ничего Пупсик...

Только на одну минуту представив, сколько обкомовских работников и инструкторов ЦК щедро возвела она в ранг ее «Пупсиков», я начинаю потихоньку хихикать, а потом – бешено хохотать. «Целая свора этих разномастных «Пупсиков» гуляет сейчас по нашему Городу, встречаясь, любезно раскланиваясь и обнюхивая друг друга, – немного успокоившись, думаю я. – Теперь к этой своре шавок прибавился и я. Интересно, примут они меня в свою стаю или же оставят у ворот облаивать прохожих?»

А Лариса, закинув горячие, налитые силой и страстью ноги мне на живот, покуривая сигарету и задумчиво разглядывая потолок, проникновенно говорит:

– Знаешь, Сережа, многое зависит от самого тебя... Слизун, к твоему сведению, никогда своих людей не бросает. А за ним, как и вообще за такими, как он, будущее... Надеюсь, ты это понимаешь?

– Да, я это понимаю... Но, Лариса, – как можно искреннее говорю я, – не забывай, какое за ними прошлое...

– А какое? – прикидывается она козочкой и взбрыкивает ногами у меня на животе. – О каком прошлом ты говоришь?

Не надо бы мне всего этого объяснять, но я отвечаю:

– Как ты понимаешь, на пустом месте банк не поставишь, правильно? Начинали они с воровства: присвоили партийные деньги, а по сути – народные, заработанные на нефти и газе... Как только они вторглись в сферу бизнеса, к ним пришли представители других воров – в законе. Они сказали: ребята, вы сидели в своих горкомах, обкомах и ЦК и стригли купоны, и мы вам не мешали. Вы были на своей территории, мы – на своей. – Лариса внимательно слушала, перебирая мои, как она выразилась, поредевшие волосы. – Но теперь вы пришли на нашу территорию, в наш бизнес и стрижете уже наши купоны. Мы уважаем ваши деньги и вашу способность делать еще деньги, но, ребята, надо делиться. Это не наша прихоть, это – наш закон! А в чужой монастырь и так далее... Ты слушаешь?

– Да... Очень интересно, – Лариса легонько гладила и трепала мою глупость, впрочем, остававшуюся вполне равнодушной к ее ласкам.

– Ребята с этими доводами согласились, – продолжал я свои глупейшие разглагольствования, – но денег было жаль. И тогда авторитеты начали исчезать: они падали из окон гостиниц, попадали под колеса грузовиков и пули соседних группировок, их травили газом и ядом, отстреливали из снайперских винтовок и топили в ваннах. Их очень умело ссорили друг с другом, и тогда они погибали целыми выводками. Трагедия воровских авторитетов была в том, что хоть и воровские, но у них были законы, а у ребят, которые пришли на их территорию – законов не было вообще... Разве что закон денег, для добывания которых все средства хороши...

– Пупсик, ты не устал? – вяло спросила Лариса. – Тебе не надоело попусту трепаться?

– Я только хотел сказать, что наши «новые русские» сейчас в крови ничуть не меньше, чем американские гангстеры полвека назад. Что наша новая экономическая политика и государственно-политическое устройство полностью перешли под контроль и управление таких вот ребят. И что все они имеют на сегодня по две кассы и бухгалтерии: для налоговой инспекции и для себя. Причем, по принципу айсберга: верхняя, видимая часть доходов – для налоговой полиции и народа, а нижняя, основная – для себя... И когда в Углегорске от голода умирают дети, шесть месяцев не получающие заработанные деньги, которые упрятаны в нижней части айсберга «новых русских», это никого не колышит. Всех давно успели убедить в том, что переустройство нашего общества требует определенных жертв – продажные газеты и телеви-

дение свои иудины гроши отработывают исправно. А вот в глаза этим самым жертвам хоть кто-нибудь из них заглянул? – почти кричал я. – Своих детей и близких на их месте представил?! Ты вот, например, видела женщин, через одну умирающих от рака молочной железы только потому, что им не хватает соответствующих витаминов и нормального питания?..

Какой ты смешной и наивный, – засмеялась Лариса и медленно поползла вниз, целуя мне грудь, живот и... – Какой ты глупенький, – бормотала она от моих колен, – какой ты пусенький, какой... ты...

И голос ее внезапно срезался, словно она подавилась.

ХІІІ

А днем, когда я еще валялся в постели, больной от коньяка и Ларисы, противно задрезжал телефон. С невероятными усилиями дотянувшись до трубки, я хрипло прорычал:

– Ал-ле-е...

– Это Сергей Иванович Соколов? – вкрадчивым голосом спросила трубка.

– Он самый, – недовольно ответил я.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно усмехнулась трубка, обжигая мое сплющенное ухо смрадным дыханием. – С тобой Мустафин говорит...

Сердце у меня екнуло и подскочило к самому горлу – дышать стало нечем. Похмелье мгновенно слетело с меня, и я как ужаленный вскочил с постели.

– Д-да, я слушаю, – задушенно выдавил я из себя.

– Мо-ло-дец! – весело сказал Мустафин, бывший секретарь ЦК комсомола по физкультуре и спорту. – Ай-вай, какой молодец! Убежал от меня, спрятался, – засмеялся Мустафин и у меня от этого смеха стянулась кожа на затылке. – Какой у тебя хороший домик, какой хороший – ай-вай-вай... Но я, Сергей Иванович, друзей моих друзей не обижаю – живи, почему нет! Правильно?

– Правильно, – перевел я дыхание.

– Но домик, какой домик! – вздохнул Мустафин. – Может, уступишь ты его мне? А я тебе другой дам, тоже карасивай, ба-альшой домик дам... Нет? Ну смотри, дарагой, смотри... Юрий Петрович мой друг и очень ба-альшой человек... Так что живи, Сергей Иванович, сапакойно... Пока...

И в трубке пошли гудки, а я лихорадочно соображал, что именно означает это последнее «пока» – разрешение жить пока или же обыкновенное «до свидания»? Я постарался убедить себя в том, что все-таки «до свидания», и пошел на кухню варить кофе. Хотя, если честно, ни о какой встрече или свидании с Мустафиным не мечтал.

XIV

Шарик валялся под столом и когда я сел – преданно лизнул мне ногу.

– Эй, чучело! – завопил я и потащил его из-под стола. – Не смей целовать мне ноги! Слышишь, никогда больше этого не делай! Хватит пресмыкаться, черт возьми! Теперь ты живешь свободным гражданином в свободной приватизированной квартире и будь добр соответствовать... Ты меня понял?

Хвост Шарика пополз было к низу живота, но он что-то понял, потянул черной пуговкой носа воздух в себя и его хвост замер параллельно задним лапам.

– Послушай, обормот, ты живешь у меня третьи сутки, – наставительно заговорил я. – Ты хорошо помылся и пару раз неплохо поел, так верни же на положенное место барометр твоей собачьей гордости и достоинства – хвост. – Я приподнял коротенький хвостик и нацелил его на желтый от никотина потолок. – Вот так и держи его впредь! Ты – пудель, ты – человек, ты равный среди равных и пусть все твои враги сдохнут, как, впрочем, и мои тоже.

На двоих мы слопали четыреста граммов «Любительской» колбасы и по паре тостеров. Потом я навел Шарiku яйцо с молоком и умильно смотрел, как подбирает он длинным, розовым языком это лакомство. Аппетит, безусловно, у него был, а вот жадности я не заметил, и это меня порадовало.

– Шарик, – сказал я, допивая свой кофе, – когда-нибудь мы найдем тебе собачью Лариску, и ты тоже станешь «Пупсиком».

Песик сидел на попе посреди кухни, вкусно облизывался и сквозь чисто умытые волосики с обожанием смотрел на меня. В сущности, как мало надо для того, чтобы нас хоть кто-то обожал...

XV

– Ты должен ее помнить, – настаивал Володя Крапулин, глядя на меня близко посаженными к носу глазами. – Она работала в отделе культуры и несколько раз выступала у нас в газете. Такая пухленькая, симпатичная блондинка... Ну, заводная такая, моторная, раньше работала пионервожатой в «Артеке».

Володе зачем-то надо было, чтобы я ее вспомнил, и я вспомнил:

– Ах эта! Конечно – помню, как ее не запомнить... А в чем, собственно, дело?

– Она два года жила без работы, – начинает рассказывать Крапулин, а я невольно отмечаю это дурацкое – «жила». – Ее мужа еще в 1993 году зарезали на рынке прямо у нее на глазах. Пошли они за кормом для аквариумных рыбок, к нему подошли два кавказца, попросили закурить... Кругом народ – толкаются, матерятся. Она на секунду отвернулась, на морских свинок посмотреть, а когда оглянулась, – он уже лежит на земле, и люди мимо идут. Понимаешь, никто даже шага не задержал: просто обходят его с двух сторон, жвачку жуют, орешки щелкают, а он лежит и изо рта пена с кровью сочится... Осталась она с двумя ребятишками: старшей, Оленьке, семь лет, а младшему четыре года. Последний раз я ее встретил в переходе метро. Стоит, сушеными грибами на ниточках торгует. В каком-то ношеном-переношеном платье, лыжных ботинках и рваных чулках. Глаза ввалились, рот запал, одни скулы торчат. Лет пятьдесят ей, меньше не дашь, а она еще и тридцатилетие не отмечала...

– Как живешь? – я ее спрашиваю.

– Да вот, торгую, – отвечает, – а не то дети с голода бы поумирали.

– Хватает?

– Хватало бы, – тихо говорит она, – если бы не они, – и за спину себе кивает. А там стоят два недоноска в широченных штанах и красных пиджаках, жвачку жуют и девок разглядывают. – Половину себе забирают, – испуганно шепчет она. – А так бы хватало. Мне ведь еще в лес надо съездить, электричку туда и обратно оплатить, найти эти грибы надо, дома в духовке высушить...

– Живешь-то ты все там же, возле китайского ресторана? – спрашиваю я ее.

– Какой там! – озирается она и громко кричит: – Грибочки! Кому грибочки?.. Давно я с той квартиры съехала, от греха подальше... Если бы раньше съехали, может и Петя живой был...

– А что такое? – я ее спрашиваю.

– Да они же всю нашу лестничную площадку разогнали, – шепчет она мне, – не мытьем – так катаньем. Из четырех квартир одну сделали, и живет там теперь какой-то цыган-не цыган с табором или азербайджанец с гаремом – кто их поймет. Одно тебе скажу: черные наш Город без объявления войны захватили. Они здесь всем правят и руководят, а наши верховоды только вид делают, что они хозяева. Тот же Лужин...

Недоноски в широких штанах давно уже на нас косились, а тут как почуяли, что разговор о них пошел: зашуршали штанами, захаркались по сторонам, как верблюды – в нашу сторону направились.

– Уходи! – насмерть перепугалась она. – Ради Бога уходи скорее...

– Я и пошел, – Володя Крапулин криво усмехнулся. – Мне в тот момент и самому страшно стало... А вчера узнаю, что Нина Ивановна Степанова вместе с детьми угорела в своей однокомнатной квартире на окраине Города: забыла выключить газ на кухне...

Глаза у Володи белеют, пальцы судорожно сжимаются в кулак, и он отдельно, по словам, говорит мне:

– А я на триста процентов уверен, что их просто убили.

– Откуда такая уверенность, Володя? – спрашиваю я.

– Да есть у меня несколько зацепок, которые надо проверить, – задумчиво отвечает Крапулин.

– Володя, ты можешь получить зарплату за март, – говорю я, чтобы сменить опасную тему и отвожу глаза в сторону.

Часть третья

I

Мне было грустно, мне было тошно, и я пошел в «Три аиста». Выпил сто пятьдесят любимой «Метаксы» и понял, что веселье на дне стакана не лежит. Я выпил еще, попрощался с дядей Костей и вышел на улицу... Был сентябрь. Дети шли из школы. Над бульваром граяли вороны и черными наростами застывали на тополиных ветках, уже успевших подернуться золотистым дымом осени... Хмурые, неприветливые лица, голодные псы возле разворошенных мусорных ящиков, реклама «Кока-Колы, сытая, довольная харя на огромном металлическом щите, поедающая гамбургер, правительственная машина в сопровождении целой дюжины завывающих, мигающих и воняющих милицейских машин, с правительственной блядью на заднем сиденье, безногий нищий, безуспешно пытающийся втащить себя на троллейбусную площадку, русский поэт Пушкин с обовшивевшим сизым голубем на левом плече – все это мой родной Город. И я бреду по нему, как по минному полю, боясь наступить на нищего или толкнуть богатого. Я знаю здесь все и всего боюсь. Боюсь банковских зазывал и красивых проституток, патристических молодчиков с блудливым блеском в глазах и забугорных советников с буйной шевелюрой, продавцов порнопродукции и марихуаны, ночных дискотек и дневных блошиных рынков – я их боюсь. Я их не понимаю... Все детство мы бредили космосом, мечтали отыскать обитаемые планеты и встретить разумные существа – инопланетян. И вот инопланетяне сами пришли к нам. Забаррикодировали наши улицы своими торговыми палатками, навезли заморских шмоток, изнасиловали и развратили наших женщин, а нас самих загнали в духовное подполье. Инопланетяне заполонили все: госучреждения и творческие дома, рестораны и театры, полосы центральных газет и экраны телевизоров – отовсюду выглядывают их гнусные, заплывшие жиром и пороком, рогатые хари. Они скупили наши дома и открыли в них притоны, они уничтожили нашу идеологию, взамен завалив Город продукцией порноиндустрии, они ликвидировали институт детства, подарив вместо него нашим детям право воровать и побираться... И Город мой умер. Он стал похож на дерево, убитое ядовито-зелеными гнездами омелы. В нем строятся новые гостиницы и офисы, богатые казино и шикарные рестораны, но все это исключительно для инопланетян. То и дело проводятся выставки и презентации, покупаются новые сверхпрестижные самолеты для президента и бронжилеты для его охраны, устраиваются великосветские приемы и балы, но все это опять же только для них, инопланетян, слетевшихся на свой шабаш в мой мертвый Город, давно покинутый простыми гражданами. Мы все ушли в себя, как в непроницаемую сферу, со слабой надеждой не заразиться, не выпасть в биологический осадок на радость инопланетян... Так вот мы и живем: Город – без горожан, страна – без граждан, в мертвом Городе мертвого государства...

II

Надо было садиться за первую статью о Слизуна, а я все чего-то медлил, кружил вокруг да около и дождался звонка от Ларисы:

– Пупсик, привет! – жизнерадостно начала она и я понял, что против «Пупсика» бесполезно возражать, что теперь мне в этом даже ООН не поможет. – Как твои дела?

– Ничего, нормально... А твои?

– Мои? – удивилась она. – Мои – всегда okay! Пупсик, дорогой, Хозяин ждет от тебя работу... Ты не забыл?

– Нет, я помню...

– Материалы у тебя есть, деньги – тоже. Так в чем же дело?

– В шляпе, – по старинке попытался отшутиться я, но шутка моя не прошла.

– Даю тебе два дня, – голос у Ларисы совершенно абстрагировался, и я почти не узнавал его. – И лучше бы тебе в эти сроки уложиться... Договорились?

– Да, конечно... А для кого готовить материалы, для какой газеты?

– Это не твоя забота, – отрезала Лариса. – Твое дело – писать. Итак, через два дня я к тебе загляну. До встречи!

– Пока, – отвечаю я, несколько обескураженный и характером разговора, и ледяным тоном Ларисы: начав с «Пупсика», она закончила едва ли не за упокой... Мне это не понравилось.

И вообще – в этой истории мне многое не нравилось, кроме денег, которые я уже получил, оплатив свои счета и выдав сотрудникам зарплату. Мне не нравилось, например, что на губернаторских выборах у Слизуна будут конкуренты, которые вряд ли придут в восторг от моих статей и тогда... Я посмотрел на Шарика, безмятежно дремавшего на коврик перед диваном, и мне стало его жаль – Шарик вполне мог осиротеть вторично. От них, этих господ конкурентов, не спрячешься даже за камуфляжем подставных имен. Когда надо – они узнают все! Узнал же Слизун, что у Толика Дика нет приличного костюма, и он из-за этого не попал на престижную техническую выставку, хотя имел на руках официальное приглашение. Это приглашение просто-напросто аннулировали...

И длинный, слишком длинный и настырный звонок в прихожей. Так звонят, когда приносят срочную телеграмму с сообщением о похоронах, и почтальону не терпится посмотреть, как скиснет и вытянется у тебя рожка, когда ты ее прочитаешь. Да и вообще в наше беспокойное время лучше бы звонки в прихожей никогда не звонили, слишком на разные и далеко не всегда приятные мысли наводят они. Но звонят еще раз, и я иду открывать, мимоходом отмечая, что уже двенадцатый час ночи.

III

– Ах, вы дома? – удивляется Катрин Вайс. – А я вашему песику поесть привезла...

Я смотрю на нее во все глаза и не сразу понимаю то, о чем она говорит. За порогом моей квартиры в дорожном костюме стоит прехорошенькая немочка, держит в руках какой-то кулек и говорит про какого-то песика.

– Может быть, вы меня все-таки впустите? – жалобно спрашивает она.

– Да, конечно! – спохватываюсь я и отступаю в сторону. – Проходите...

Она проходит мимо меня, как наваждение, как сон в рождественскую ночь, и лишь тончайший запах французских духов «Шанель № 5» возвращает меня к действительности. Я не без опаски выглядываю в подъезд, внимательно осматриваю лестничную площадку, и только после этого тщательно запираю дверь.

Катрин на кухне кормит Шарика.

– Мой маленький, мой бедненький, тебя совсем здесь не кормят, – приговаривает она и подкладывает в тарелку Шарика очередной бифштекс с кровью.

– Ничего подобного! – возмущаюсь я, наблюдая, как это прожорливое чучело уплетает бифштекс, преданно повиливая куцым хвостиком. – Он ест не меньше меня...

– Ну вот, я так и знала, – Катрин Вайс гладит песика. – Бе-едный, ты живешь на голодном пайке? Бедный, бе-едный ты мой...

Шарик от такого внимания даже есть перестал: глазки прикрыл, рожу умильную скорчил и вот-вот запоет «В лесу родилась елочка, в лесу она росла»...

– Как вы меня нашли? – наконец, спрашиваю я о том, что не дает мне покоя.

– Очень просто, – Катрин снизу вверх смотрит на меня и улыбается. – Сказала таксисту ваш адрес...

– Но...

– Он есть в старом телефонном справочнике... Я, кстати, только два часа назад вернулась из Нижнего Новгорода. И, представьте себе, танцевала там с самим губернатором... А вы, извините, против?

– Против чего? – не понял я.

– Ну, что я ваш адрес нашла...

– Извините, Катрин, но моего адреса никогда не было в телефонных справочниках.

– Вот как! – она удивленно разводит руками. – А мне какой-то особенный подвернулся – чудеса! – она запрокидывает голову и громко смеется, а я, как идиот, смотрю на нее и тоже чему-то улыбаюсь. Шарик разглядывает нас обоих и на всякий случай легонько постукивает куцым хвостиком по кухонному линолеуму.

IV

Мы сидим в стареньких креслах за журнальным столиком и пьем черный кофе. Честно говоря, я не знаю, как себя вести, и потому чувствую идиотскую неловкость. Для вдохновенного флирта мне не хватает чувства юмора и 150 граммов коньяка. И вообще... Я не понимаю те мотивы, которые заставляют Катрин Вайс уделять моей скромной персоне столько внимания. В чем дело? Ну не влюбилась же она в меня, в самом-то деле? В нашем Городе сколько угодно претендентов на ее внимание и куда с большими основаниями. И она может выбрать любого – популярного певца, актера, бизнесмена, спортсмена, банкира, а она зачем-то сидит в моей однокомнатной квартирке, обставленной по стандартам Брежневского барокко, хлещет дешевый растворимый кофе и взахлеб рассказывает про Нижегородский Кремль, в котором я, кстати, еще не был. Я не люблю ребусы, я никогда не разгадываю кроссворды и совсем не играю в шахматы, а потому и чувствую себя неуютно. Все, конечно же, было бы куда проще, если бы она не нравилась мне. Но она мне нравится и нравится все больше. Все последние дни я только и делал, что думал о ней. А на кой мне это надо? Зачем мне еще и эта головная боль? Куда как проще с Ларисой, под выбритой подмышкой которой я думал спрятаться от Катрин Вайс. Не получилось, ничего не получается у меня с этой Катрин...

– Извините, – говорит Катрин, – а выпить у вас есть и музыка какая-нибудь?

– Увы, – я развожу руками. – Правда, можно включить электрический самовар...

– Что-что? – она изумленно смотрит на меня зелеными промывами глаз, потом долго хохочет, потом резко обрывает смех и серьезно говорит мне: – Сережа, бросьте вы ко мне присматриваться... На самом деле все значительно проще, чем вы думаете: я в вас влюблена и хочу быть с вами... Вы в это можете поверить?

– В общем-то да...

– Где у вас телефон?

Я молча приношу аппарат из прихожей. Она быстро набирает очень длинный номер и делает не менее длинный заказ на английском языке. А я в это время ухожу в ванную комнату и долго разглядываю в зеркале свою растерянную физиономию. И что там скрывать, я думаю о том, что не все еще в моей жизни потеряно, если такая женщина, как Катрин Вайс, признается мне в своих чувствах. Что я, такой-сякой хрен с перцем, в этой загребаной жизни еще кое-чего стою...

– Можно, я переоденусь? – спрашивает Катрин, когда я возвращаюсь в комнату...

Катрин уходит переодеваться, и в это время звонит телефон. Я беру трубку, и Сашин сломанный голос сообщает мне:

– Старичок, на меня наехали...

– Кто? – холодок пробегает у меня по спине.

– Не знаю... Но они хотят, чтобы никаких материалов по Углегорску не появлялось...

Сейчас они должны приехать за пленками, что мне делать?

Я смотрю на часы – начало второго ночи.

– Отдай, – хрипло говорю я.

– Они требуют все: и магнитофонные записи, и фото пленку...

– Отдай им все!

– Старичок, – хорохорится Саша Бронфман, – это мой хлеб...

– Пусть они им подавятся... И не вздумай выглядывать из окна, запоминать номер их машины, – советую я. – Отдай и все. И ложись на грунт: никаких лишних телодвижений, звонков по телефону и жалоб, понял?

– Понял, конечно... Только обидно до соплей...

– Ничего, утрись и живи дальше... А главное – не возникай.

В голубеньком китайском халатике, с распущенными волосами и совершенно без грима, Катрин стоит на пороге и слушает, как я разговариваю.

– Ну, держись, Сашок, утром я тебе перезвоню...

– Если я до утра доживу, – шумно вздыхает Бронфман.

– Не паникуй, Саня, они в таких случаях ни о чем не предупреждают, а просто забирают то, что им надо, и оставляют труп... Здесь, я думаю, другое...

– Хорошо бы, – опять вздыхает Бронфман, и мы прощаемся.

– Что-нибудь случилось? – спрашивает Катрин и внимательно смотрит на меня, изящным движением тонкой руки отбрасывая волосы за плечи.

– У нас все время что-нибудь случается, – уклончиво отвечаю я, иду к Катрин и молча обнимаю ее. Она прижимается всем своим долгим, теплым телом и опускает голову на мое плечо. Я перебираю ее волосы, дороже которых нет у меня сейчас ничего на свете, вдыхаю их запах, и постепенно всем своим существом переливаюсь в нее – дышу ее дыханием, живу ее сердцем, думаю ее мыслями. Так мы и стоим некоторое время, как два сообщающихся сосуда, медленно и жутко перетекая друг в друга, объединенные самым древним и сильным инстинктом – извечным инстинктом нашей плоти.

V

Катрин накрывает стол, а я молча наблюдаю за ней. Боже, что это за наслаждение наблюдать за красивой женщиной, которая пришла в твоё холостяцкое жилище и принесла с собой целый мир новых ощущений и чувств... Женщина и вообще – чудо, дарованное нам, недостойным, безусловно от Бога. Никто, никакая природа, как бы совершенна она ни была, не в состоянии придумать эти плавные линии и округлые движения, это потрясающее сочетание женского безволия и материнской силы. Потребовалась бы работа нескольких институтов красоты и передовых НИИ, чтобы с такой вот грацией и изяществом провести одну-единственную линию – от женской шеи через плечо и до кончиков пальцев на руке. Только Бог мог сотворить Женщину такой, какая она есть. И прикасаясь к Женщине, мы прикасаемся к Богу: мы ощущаем тепло его рук и высоту его помыслов, слитых воедино в его любимом творении – Женщине...

– Почему ты так странно смотришь на меня?

– Потому что не верю...

– Не веришь – чему?

– Тому, что ты здесь, у меня...

– Нет, милый, я здесь, – улыбается она и садится ко мне на колени. – И тебе придется смириться с этим фактом.

– Я уже смирился.

– Вот и хорошо... Давай будем пировать. Принеси мне спички и выключи верхний свет.

Катрин зажигает высокую, толстую свечку и крохотное, колеблющееся пламя освещает необыкновенно шикарный и красивый стол, накрытый на двоих. Мы открываем шампанское, разливаем по высоким фужерам, и оно сказочно искрится и переливается в свете свечи.

– За нас! – говорит Катрин и, не чокаясь, пьет.

– За нас! – повторяю я, чувствуя себя послушным учеником на курсах профессиональной переподготовки. – И за нашего Шарика...

В конце концов, без Шарика все могло бы получиться иначе.

И я вижу это наше маленькое застолье как бы с высоты пятиэтажного дома. Восемнадцатиметровая комната, в ней простенький стеллаж с книгами, письменный стол с допотопной пишущей машинкой «Москва», вдоль капиталки старенький диван «Юность», правда, прикрытый относительно новым узбекским пледом, в центре комнаты журнальный столик на колесиках и два незатейливых кресла. Да, чуть не забыл – в углу телевизор «Крым», на полу ковровая дорожка самодельной молдавской выделки, а на дорожке флегматичный пудель русских кровей. Моя комната еще живет, еще дышит Советским Союзом, я еще не успел предать ее, как предали самого меня в Беловежской Пуще, и старые вещи из Узбекистана и Латвии, из Молдавии и Украины все еще верно служат мне. И вот в этих стареньких креслах сидим мы с Катрин Вайс, пьем «Советское шампанское», закусываем мудреным китайским салатом из крабовых палочек, оливками из Греции, итальянской пиццей и, разумеется, немецкими колбасками. Яблоки, виноград и бананы, со смыслом уложенные в небольшой корзине, совершенно бессмысленно стоят на полу за неимением места на столе. Катрин в китайском халатике, из-под которого ослепительно сверкают ее круглые колени, и я – в неизменных синих джинсах с фальшивыми нашлепками от «Леви Штрауса». Кажется, мы неплохо смотримся в этом интерьере, но мне чего-то не хватает. Не тому «мне», что сидит за журнальным столиком (он сыт и доволен), а тому, что затаился на балконе пятиэтажного дома и с высоты птичьего полета пристально разглядывает всю эту идиллию с крабовыми палочками и бананами в корзине... Я

встаю, иду на кухню, всовываю ветку акации в литровую банку из-под кефира, и эту незамысловатую конструкцию торжественно воодружаю в центр журнального стола.

– Сакура! – восхищенно хлопает в ладони Катрин. – Какая прелесть!

– Нет, это не сакура, – сажусь я на свое место. – Это обыкновенная русская акация.

– Акация? – разочарованно смотрит на меня Катрин. – Почему именно акация?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.